

УДК 902.2

А. Ронен¹, Д. Адлер²¹Институт археологии Зинмана, Университет Хайфы,
Хайфа, 31905, Израиль

E-mail: aronen@research.haifa.ac.il

²Факультет машиностроения,
Технион – Израильский институт технологий,
Хайфа, Израиль

МАГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИЕРИХОНА*

Введение

Раскопки К. Кеньон в Иерихоне (1952 – 1958 гг.) выявили впечатляющую фортификационную систему, относящуюся к докерамическому неолиту А – периоду, который остается по сей день уникальным во всем Восточном Средиземноморье [Kenyon, 1957, 1981; Kenyon, Holland, 1982, 1983]. Эта система включает стену по периметру, ров и башню. Относительно их функций были предложены две гипотезы. К. Кеньон [Kenyon, 1957] утверждала, что фортификации использовались по прямому назначению. Ее трактовка была отвергнута 30 лет спустя О. Бар-Йозефом [Bar-Yosef, 1986], который приписывал этой системе двойную функцию: стена и ров, вероятно, защищали Иерихон от паводков и селей, а башня могла служить общественным и/или культовым целям. В настоящей статье данные гипотезы критически пересматриваются и отвергаются, предлагается новая интерпретация: вся система значима только в сфере магии.

Оборонительные сооружения

Стена, видимо, окружала холм со всех сторон [Kenyon, 1981], но в восточной части современная дорога исключает раскопки. Выявлены четыре крупных этапа в сооружении стены, в течение которых ее толщина на западной стороне (раскоп 1) увеличилась с 1,8 до 3,5 м у основания и с 1,1 до 1,6 м в верхней части, на южной и северной – с 1,4 до 1,6 м, а высота западной

части – с 3,6 м над уровнем коренного ложа до 5,5 м [Ibid, p. 36]. В других местах стена сохранилась до высоты в 2,2 м.

На раннем этапе строительства оборонительных сооружений был добавлен ров глубиной около 2 м и шириной 8,75 м [Ibid, p. 26], вырытый с внешней стороны стены в твердом известняке, включающем пласты твердых кремнистых пород [Ibid, fig.16b].

На западной стороне холма к внутренней поверхности стены, которая в этом месте достигала максимальной высоты, примыкала башня (рис. 1, 2) высотой 7,7 м, диаметром 8,5 м в основании и 7 м вверху [Kenyon, 1993]. Единственной особенностью, обнаруженной в этой башне, была узкая лестничная клетка с 22 ступеньками, ведущими к отверстию в крыше.

Хронология

Докерамический неолит А пришел на смену натуфийской культуре примерно за 8300 ± 200 лет до н.э. [Burleigh, 1983; Bar-Yosef, 1986, p. 159]. Стена и башня были построены в какое-то время периода докерамического неолита А (по мнению К. Кеньон, примерно в 8000 г. до н.э.). Оборонительная система перестала функционировать приблизительно в 7300 г. до н.э., на рубеже периодов докерамического неолита А и Б. Таким образом, она существовала более половины тысячелетия.

Интерпретация К. Кеньон

К. Кеньон считала весь комплекс оборонительной системой, аналогичной тем, которые существовали в

* Мы благодарим Дэна Нателя за критические замечания к первому варианту текста.

Рис. 1. Иерихонская башня, январь 2000 г.
(фото А. Ронена).

более поздних укрепленных городских центрах Востока. Основываясь на этом очевидном сходстве, она сделала вывод, что Иерихон был древнейшим укрепленным городом [Кенуон, 1957]. Кенуон не поражалась ни глубиной древностью оборонительных сооружений Иерихона, ни отсутствием их аналогов, ни резким противоречием между большими размерами фортификаций и слабыми современными им средствами ведения войны. Не задавалась она и вопросами, зачем кому-либо понадобилось бы захватывать Иерихон, кто мог быть потенциальным агрессором, достойным таких мощных укреплений, и каким осадным оружием он обладал.

Если когда-нибудь и затрагивался какой-либо из этих вопросов, то только первый. Высказывалось предположение [Anati, 1963, р. 248 – 250], что иерихонская община накопила значительные богатства на монопольной торговле солью, битумом и серой, которыми изобилует Мертвое море, и это могло побудить чужаков ворваться в Иерихон. Здесь уместно напомнить, что соль легко можно было добывать и в Средиземном море.

В экономическом и технологическом контексте того времени представляется в высшей степени невероятным, чтобы рассматриваемая оборонительная система использовалась в военном смысле. Во-первых, трудно представить какие-либо ценности, заслуживающие такой охраны в эру, предшествовавшую приручению животных, производству пищи и металла. Во-вторых, Иерихон периода докерамического неолита А был особенно беден боевыми средствами:

Рис. 2. Фрагмент иерихонской башни (фото А. Ронена).

обнаружено только девять наконечников стрел эльхиамского типа против 405 массивных наконечников стрел различных типов, относящихся к докерамическому неолиту Б [Crowfoot-Payne, 1983]. В-третьих, оборонительная система Иерихона неудовлетворительна со стратегической точки зрения. Так, башня расположена с внутренней стороны стены, тогда как фортификационные башни должны размещаться за ее пределами, как было уже хорошо известно строителям древнейших укрепленных городских центров раннего бронзового века (например, Арада [Amiran et al., 1978]). Кроме того, во внутренней стенке рва были вырезаны ступеньки [Кенyon, 1981, p. 26, pl. 16b]; таким образом, вместо того, чтобы создавать препятствие, ров предлагал легкое пересечение. Наконец, в то время как вражеское нападение следует ожидать со всех сторон, толщина и высота стены Иерихона в южной и северной частях значительно меньше, чем в западной. Оборонительная система в Иерихоне явно требует альтернативной интерпретации, как это убедительно обосновал О. Бар-Иозеф [Bar-Yosef, 1986].

Интерпретация О. Бар-Иозефа

Отвергая гипотезу К. Кенъон, О. Бар-Иозеф [Ibid] приписывает разные функции разным частям иерихонской системы. По его мнению, связанная со стоящими рядом строениями, которые Кенъон [Кенyon, 1981, p. 39] посчитала зернохранилищами, башня могла быть культовым центром. Бар-Иозеф [Bar-Yosef, 1986, p. 161] далее указывал на то, что когда стена разрушилась, башня оставалась удивительно хорошо сохранившейся, а это, возможно, свидетельствует об особом отношении к ней и, следовательно, подтверждает ее предполагаемую культовую роль. Бар-Иозеф высказал гипотезу, что поверх каменного сооружения стояла кирпичная надстройка, может быть храм [Ibid, fig. 2].

В противоположность сакральной функции, приписываемой башне, стена выполняла утилитарную задачу, а именно, защищала “от паводков и грязевых потоков” [Ibid, p. 160]. Благодаря ей Иерихон избегал опасности быть похороненным под аллювиальными отложениями, как это случилось с Нетив-Хагдудом в период докерамического неолита А [An Early Neolithic Village..., 1997] и несколькими другими стоянками, такими как Ифтахель, Нахал-Иссарон или Абу-Гош [Bar-Yosef, 1986, p. 160]. В подтверждение своей гипотезы Бар-Иозеф приводит три наблюдения. Первое из них – описание К. Кенъон концентраций гальки, обнаруженных в ограниченных районах на холме, которые она трактует как следы периодического затопления места [Кенyon, 1993]. Второе состоит в том, что паводковые воды разрушили стену на южной и северной сторонах холма. Третье наблюдение –

“аллювиальные отложения заполнили ров, вырытый неолитическим населением” [Bar-Yosef, 1986, p. 160]. Однако предложенная О. Бар-Иозефом интерпретация вызывает ряд возражений.

Представляется невероятным, чтобы паводки, вызываемые осадками, могли когда-либо угрожать Иерихону. Крупнейшая река в окрестностях, вади Килт, протекает слишком далеко к югу (рис. 3). На западе Иерихон отделен от Иудейских гор гребнем, простирающимся с юго-юго-запада на северо-северо-восток, длина которого 2 км, а высота на 65 м больше Иерихонского холма. Он защищает Иерихон от прямого стока вод по склону с запада (кстати, там, где стена наиболее толстая). Защитный гребень, сам имеющий малую площадь водосбора, также отводит в стороны два ближайших потока: вади Эль-Мафджар на юг и вади Нуема на север. Вади Нуема протекает слишком далеко к северу, чтобы создавать потенциальную опасность для Иерихона, и чрезвычайно невероятно, чтобы ее паводки могли повредить северную часть стены. Таким образом, речь может идти только о маленькой речке вади Эль-Мафджар с бассейном водосбора около 20 км² [Ibid, p. 161].

Замеры расхода воды имеются по Нахал-Аруго с бассейном водосбора около 220 км², расположенной приблизительно в 45 км к югу: максимальная величина, фиксируемая в настоящее время, 500 м³/с [Ben-Zvi, 1988, p. 16]. При сходных климатических условиях в районе Иерихона расход воды из вади Эль-Мафджар мог быть 45 м³/с. Ширина реки возле Иерихона около 80 м. Если принять максимальную скорость воды за 0,5 м/с (довольно низкая оценка при значительных градиентах местной топографии), получим поднятие уровня воды в 1,2 м. Вади Эль-Мафджар находится в 500 м к юго-востоку от Иерихонского холма; паводок в 1,2 м не мог достигать стен. В раннем голоцене здесь, конечно, было более влажно, чем сейчас, как это видно по Нетив-Хагдуду [Tchernov, 1994], Хатуле [Davis, Lernau, Pichon, 1994] и др. Даже если допустить, что количество осадков было на 100% больше зафиксированного современного максимума, то все равно паводок не мог представлять потенциальной угрозы Иерихону, во всяком случае такой, чтобы возводить стену в 3,5 м толщиной и 5,5 м высотой.

Упомянутые выше три наблюдения, как бы подтверждающие существование паводков в период докерамического неолита А в Иерихоне, можно интерпретировать и по-иному. Скопления гальки, которые наблюдала К. Кенъон, располагаются поверх уровней докерамического неолита А, как раз под несколькими прямоугольными домами докерамического неолита Б. В начале этого периода гальку иногда укладывали под здания для укрепления мягких участков или для заполнения выемок в субстрате, например, в

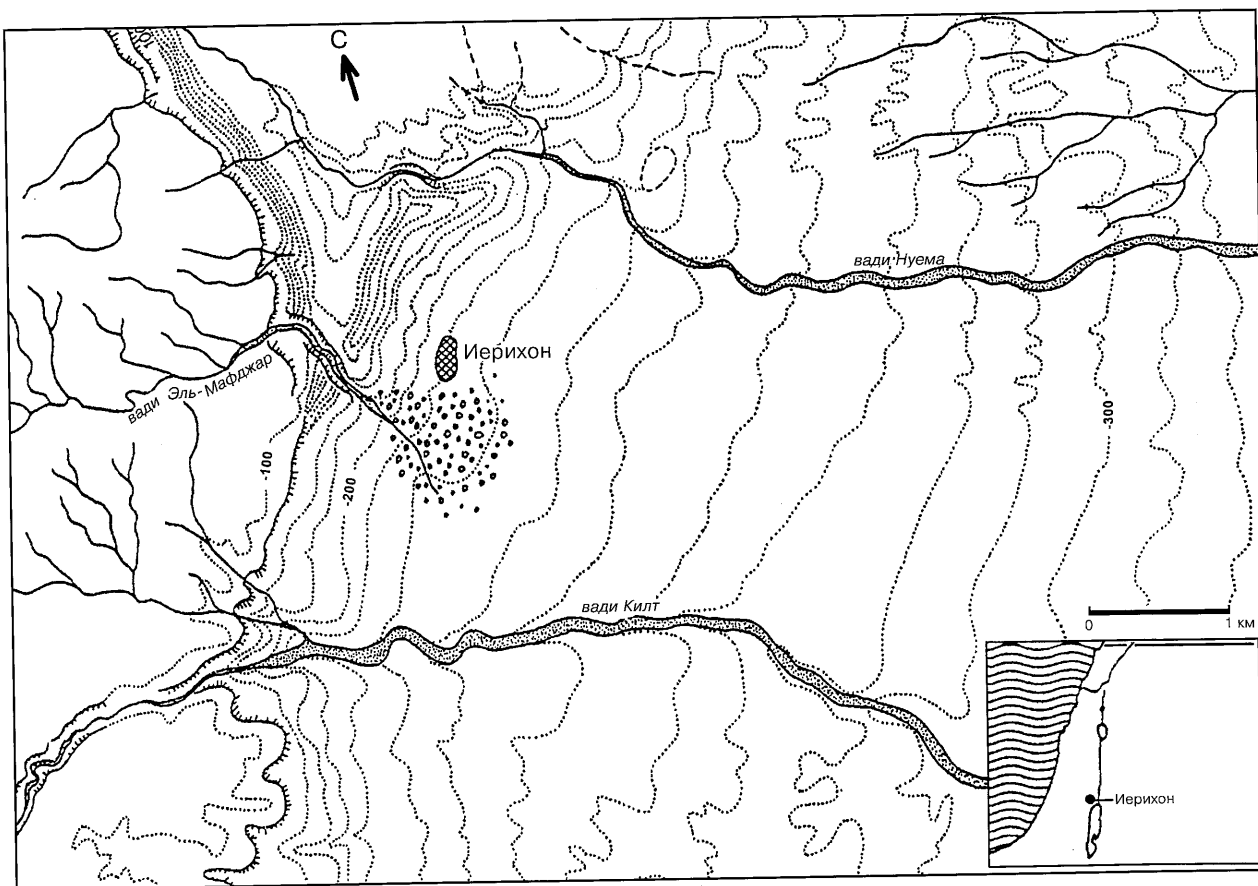

Рис. 3. Гидрографическая сеть в окрестностях Иерихона (по [Bar-Yosef, 1986, fig. 2]).
Возвышенности расположены ниже среднего уровня моря.

Кафер-Хоюке [Molist, Cauvin, 1991, p. 107] около 7300 лет до н.э. Поэтому весьма вероятно, что и в Иерихоне в начале периода докерамического неолита Б покрытые галькой площадки служили для строительных целей и обязаны своим появлением там не паводкам, а человеческой деятельности. Повреждения стены на южной и северной сторонах могли быть нанесены тоже людьми, возможно, разбиравшими ее в период докерамического неолита Б после того, как надобность в стене отпала.

Третье наблюдение касается природы отложений, накопленных во рву (рис. 4), которые очень подробно описала К. Кенъон [Kenyon, 1981, p. 26]. Самый древний слой состоит из мелкого щебня, который, как полагают, представляет собой отходы рытья рва. Поверх щебня размещаются многочисленные слои и линзы заполнений периода докерамического неолита А, описанные Кенъон как “розовато-лилово-пепельные”, “желтовато-коричневые”, “кирпичи и камни” и, в самом низу, “черные жженые”. Все это накопления явно антропогенного происхождения. Другие слои, по толщине не превышающие половины заполнения, были обозначены как “ил с мелким гравием”, “мелкий ил”, “темно-коричневая глина” или

“твердый коричневый” [Ibid, pl. 236], что может быть интерпретировано как аллювиальные. Кенъон нигде не упоминает о наличии аллювиальных отложений за пределами стены. Наиболее правдоподобно, что ров постепенно заполнялся сбрасываемым с холма антропогенным строительным мусором, который иногда перемежался намываемыми дождем отложениями. Следовательно, ров не содержит свидетельств серьезных наводнений вокруг Иерихона в период докерамического неолита А. К тому же тот факт, что стена оказывается самой толстой на западе, противоречит ее якобы противопаводковой функции, поскольку наводнений приходилось бы ожидать на севере и на юге.

Альтернативная интерпретация

Как показано выше, назначением иерихонской системы не могла быть ни военная оборона, ни защита от наводнений. При отсутствии какой-либо известной “утилитарной” задачи нельзя не предположить, что вся иерихонская система, а не только башня, выполняла культовую функцию. По нашему мнению, весь комплекс – башня, стена и ров – представлял собой

оборонительную систему, призванную защищать от мифологических существ, а не от людей и стихии.

Вопросы веры и идеологии, которые на археологическом жаргоне часто именуются “неутилитарными”, тем не менее числятся в ряду сильнейших мотиваций человеческой деятельности. По самой природе археологической “летописи” “неутилитарное” можно редко наблюдать непосредственно [Renfrew, 1985]. Археологи указывают на “неутилитарное” направление, когда все вероятные “утилитарные” объяснения отвергаются, как это справедливо сделал О. Бар-Йозеф [Bar-Yosef, 1986] в случае иерихонской башни.

Наше предположение можно далее подтвердить аналогией. Разделение между внутренностью дома и внешним пространством в раннем неолите, противопоставление *domus* – *agrios*, стало символизировать более радикальные оппозиции, такие как человеческий – дикий, безопасный – опасный, наконец, жизнь и смерть, что убедительно аргументировал И. Ходдер [Hodder, 1987]. Этнографические наблюдения выявляют аналогичные понятия, например, стены домов африканского народа темне воспринимаются специфически как охраняющие священный, очеловеченный внутренний мир от дикого и опасного внешнего мира, мира ведьм и демонов [Rapoport, 1979, p. 10]. Нововведение иерихонской общины состояло в расширении понятия дома, распространении его на весь холм. Холм стал “жилищем” и, подобно дому, должен быть защищен от мифологических злых духов. Если рассматривать все под этим углом зрения, то стратегически неверное расположение башни и более толстая стена на западе, где ежедневно умирает солнце и где во всю властвует нечисть, – все становится частью некоей системы веры в Иерихоне раннего неолита, детали которой нам неизвестны.

Уникальность оборонительной системы Иерихона интригует. Ни в одном современном ему поселении на Южном Востоке не обнаружены подобные структуры вплоть до сегодняшнего дня. Расположенное поблизости поселение Нетив-Хагдуд, явно требовавшее защиты от паводков, о чем свидетельствуют отложения мощностью до 4 м, состоящие из гальки и аллювия, тем не менее не имело стены [Bar-Yosef, Gopher, 1997]. Исключительность иерихонских сооружений говорит против связи с какими бы то ни было естественными причинами: если бы таковые существовали, то другие сообщества реагировали бы подобным же образом. Уникальное поведение лучше подходит к сфере идеологии, как учит новейшая история (например, становление великих религий нынешнего времени).

Здесь следует упомянуть, что в докерамическом неолите Кипра (хирокийская культура) 7 – 6 тыс. л. до н.э. по меньшей мере два поселения были окружены массивными оборонительными сооружениями – Хирокийя [Le Brun et al., 1987, p. 289] и Калавасос-

Тента [Todd, 1987; 1989, p. 5], последнее со рвом. Стена вокруг Хирокийи соизмерима с иерихонской: толщина 3,5 м, высота 4 м [Le Brun et al., 1987, p. 289]. Расположенные на вершинах холмов оборонительные сооружения обоих поселений, по всей вероятности, не были защитой от естественных сил вроде наводнений и селей. Не предназначались они и для того, чтобы останавливать нападающих людей, потому что, как отметил А. Ле Брен [Le Brun, 1992], наиболее ценные богатства обитателей Хирокийи, козы стада, находились за пределами стен. Кроме того, в материальной культуре докерамического общества не представлено боевое или охотничье снаряжение [Held, 1989; Le Brun, 1989; Ronen, 1995, 1999]. Все это не согласуется с фортификациями. Поэтому нельзя не прийти к выводу, что здесь тоже, как и в Иерихоне, стена могла функционировать только в качестве магического охранительного сооружения, разделяющего, по меньшей мере, застроенные площади от незастроенных [Le Brun et al., 1987, p. 289]. Таким образом, при контекстуальном анализе выявляется, что и иерихонская, и хирокийская культуры были идеологически обусловлены [Ronen, 1999] и пролили определенный свет друг на друга. Исследование возможной связи между этими двумя культурами выходит за рамки настоящей статьи.

Список литературы

- Amiran R., Paran U., Shilo Y., Brown R., Tsafir Y., Ben-Tor A.** Early Arad I. – Jerusalem: Israel Exploration Society, 1978. – XIV + 138 p. + 193 Pl.
- Anati E.** Palestine Before the Hebrews. – N.Y.: Knopf, 1963. – 453 p.
- An Early Neolithic Village** in the Jordan Valley, The Archaeology of Netiv Hagdud / Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher. – Cambridge: Harvard University, 1997. – XIV + 266 p. – (American Schools of Oriental Research; N 43).
- Bar-Yosef O.** The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation // *Current Anthropology* 1986. – Vol. 27. – P. 157 – 162.
- Ben Zvi A.** Maximal Discharges Observed in Israel // *Environ. Geol. Water Sci.* – 1988. – Vol. 1. – P. 15 – 19.
- Burleigh R.** Additional Radiocarbon Dates for Jericho // Kenyon K.M., Holland T.A. Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. – Vol. 5. – P. 760 – 765.
- Crowfoot-Payne J.** The Flint Industries of Jericho // Kenyon K.M., Holland T.A. Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. – Vol. 5. – P. 622 – 758.
- Davis S.M.J., Lernau O., Pichon J.** The animal remains // *Le gisement de Hatoula en Judée occidentale, Israel* / Eds. M. Lechevallier, A. Ronen. – P.: Association Paleorient, 1994. – P. 83 – 100. – (Memoires et Travaux Centre Recherche Francais de Jerusalem; N 8).
- Held S.O.** Colonization Cycles on Cyprus 1: The Biogeographic and Paleontological Foundations of Early Prehistoric

- Settlement // Report Department of Antiquities Cyprus. – Nicosia, 1989. – P. 7 – 28.
- Hodder I.** Contextual archaeology: an interpretation of Catal Huyuk and a discussion of the origins of agriculture // Bull. Institute of Archaeology. – 1987. – N 24. – P. 43 – 56.
- Kenyon K.** Digging Up Jericho. – L.: Benn, 1957. – 272 p.
- Kenyon K.** Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1981. – Vol. 3. – XXIII + 540 p.; XXXII + 343 Pl.
- Kenyon K.** Jericho. The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. – Jerusalem: Israel Exploration Society, 1993. – Vol. 2. – P. 674 – 681.
- Kenyon K., Holland T.A.** Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1982. – Vol. 4. – XIX + 647 p. + XII Pl.
- Kenyon K., Holland T.A.** Excavations at Jericho. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. – Vol. 5. – XLVII + 864 p. + 40 Pl.
- Le Brun A.** Le néolithique de Chypre et sa relation avec le PPNB du Levant // Paléorient. – 1989. – Vol. 15. – P. 161 – 167.
- Le Brun A.** Monter, descendre: les acces au village néolithique preceramique de Khirakitia (Chypre) // Studies in Honour of Vassos Karageorghis. – Nicosia: Department of Antiquities Cyprus, 1992. – P. 21 – 26.
- Le Brun A., Cluzan S., Davis S.J.M., Hansen J., Renault-Miskovsky J.** Le néolithique preceramique de Chipre // L'Anthropologie. – 1987. – Vol. 91. – P. 283 – 316.
- Molist M., Cauvin J.** Les niveaux de Cafer Hoyuk (Malatya, Turquie): stratigraphie et architectures (fouilles 1984 – 1986) // Cahiers de l'Euphrate. – 1991. – N 5/6. – P. 85 – 114.
- Rapoport A.** Cultural Origins of Architecture // Introduction to Architecture / Eds. J.C. Snyder, A.J. Catanese. – N.Y.: McGraw-Hill, 1979. – P. 2 – 20.
- Renfrew C.** The Archaeology of Cult: The Sanctuary at Phylakopi. – Athens: British School of Archaeology, 1985. – XIII + 513 p. + 70 Pl.
- Ronen A.** Core, Periphery and Ideology in Aceramic Cyprus // Quartar. – 1995. – N 75(46). – P. 177 – 206.
- Ronen A.** Ideology-dependent Subsistence in the Aceramic of Cyprus // Hominid evolution – Lifestyles and survival strategies / Ed. H. Ullrich. – Gelsenkirchen-Schwelm: Edition Archaea, 1999. – P. 505 – 516.
- Tchernov E.** The Fauna of Netiv Hagdud. – Cambridge: Harvard University, 1994. – VIII + 105 p. – (American School of Prehistoric Research; N 44).
- Todd I.A.** Vasilikos Valley Project 6: Excavations at Kalavassos-Tenta I // Studies in Mediterranean Archaeology. – Goteborg, 1987. – N 71. – P. 6.
- Todd I.A.** Early prehistoric society: a view from the Vasilikos valley // Early Society in Cyprus / Ed. E. Peltenburg. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 2 – 13.

Материал поступил в редколлегию 06.07.2000 г.